

Н. А. КАЗАКОВА

Рассказы освобожденных русских полоняников

Русское правительство, отправляя послов в страны Западной Европы, давало им наказ собирать информацию о международных отношениях, внутреннем состоянии государств и известия иного характера. Послам предписывалось: «проведывать себе тайно», какие государи и правители между собою «в миру» и какие «не в миру», «кто ныне в. . . войне силен. . . и про иные про всякие вести, которые великому государю его царскому величеству и всему Московскому государству надобны; а проведовав, записывать. . . в статейный список».¹ И послы добросовестно выполняли данные им поручения. Они внимательно прислушивались и приглядывались к тому, что видели и слышали, вносили в свои статейные списки сведения и о политической жизни Европы (в первую очередь), и о внешнем облике европейских городов, и о различного рода достопримечательностях. Основным источником информации являлись беседы с «приставами» (так русские послы называли курировавших их чиновников дипломатических ведомств) и официальными представителями правительств. Кроме того, послы черпали данные по интересующим их вопросам из бесед с поощавшими их представителями знати, купцами, в приморских странах — капитанами судов и т. д.

Своеобразным источником информации для русских послов являлись рассказы освобожденных из плена русских полоняников. Удивительны были их судьбы. Обычно это были захваченные крымцами жители южной Руси, которые перепродавались затем в Турцию. Там их ждала однозначная участь — рабов, гребцов на турецких «катаргах» (галерах). Для многих эта участь была пожизненной. Но некоторым везло: в морских сражениях на Средиземном море «талиянцы» (итальянцы, в нашем источнике речь идет именно о них) разбивали и захватывали турецкие галеры, освобождали рабов-гребцов, а итальянские власти выдавали им «прохожие грамоты», являвшиеся пропусками для возвращения на родину. Большинство бывших русских полоняников возвращались на Русь через Литву и Польшу, а некоторые — через страны Западной Европы. Проходя через ряд стран, иногда подолгу задерживаясь в какой-нибудь из них, полоняники приобретали навыки разговорной речи на местных языках и узнавали, таким образом, о новостях тамошней жизни, в частности политической. Услышав, что в городе, куда они пришли, находится русское посольство, полоняники обязательно являлись к послам, ожидая помощи в возвращении на родину, а послы охотно встречались с бывшими полоняниками, надеясь узнать от них об интересующих русских дипломатов вещах.

Любопытные рассказы двух русских полоняников сохранились в статейном списке Лукьяна Мясного и подьячего Федора Постникова — пос-

¹ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (далее: ПДСДР). СПб., 1856. Т. 4. Стб. 827.

ланников Руси, направленных к императору Священной Римской империи Матвею в июле 1616 г.

Когда в октябре 1616 г. Лукьян Мясной и Федор Постников остановились в Любеке, то к ним во двор пришел русский человек, попросивший сообщить послам, что он «идет из Цесарева города из Праги, а был в Турецкой земли в полону шесть лет». Во время беседы с Лукьяном Мясным полоняник сказал, что «зовут его Гришка Харламов, а отец его был Рыльского города севрюк. И взяли его крымские люди в полон под Можайском и жил он, Гришка, в Крыму два года, и продали его турским людем на катаргу, и был он на катарге три года; и во 124-м году после Велика дня талиянские люди турскую катаргу побили. А были на той катарге русских и литовских и немецких² людей болши пятисот человек. И талиянские люди турских людей всех побили, а русских, и литовских, и немецких людей король велел распустить и тем всем полоненником велел талиянской король подавать прохожие грамоты за своими печатми. И русские полоненики многие люди пошли на Полскую землю, а иные остались у талиянского короля; а он, Гришка, шел из Талиянской земли на Папежскую и на Францовскую землю. И придя в Прагу, бил челом цесарю он, Гришка, чтоб его велел через свою землю пропустить, а иттить ему к государю в Москве. И цесаревы думные люди, досмотря у него прохожие грамоты за королевскою печатью, и велели его пропустить, а цесарь велел ему на дорогу дать золотой».³

19 февраля 1617 г. в Прагу к Лякьяну Мясному и Федору Постникову явился другой полоняник, который рассказал, что «зовут его Данилко Осипов сын Аминова, а отец его служил с Лук Великих; а взяли его в полон литовские люди, как Луки-Великие воевали, и тому лет с шесть. А у литовских людей в дороге отгромили его татары и продали турским людем, и был он у турских людей на катарге. И во 124-м году талиянские люди побили турских двенадцать кораблей да две катарги. А было на тех кораблях и на катаргах полских, и литовских, и русских полонеников с пятьсот человек, и тех всех полонеников талиянские люди отпустили, а турских людей всех побили. И руские полоненики пошли на Полскую землю. А он, Данилко, после того побыл в Талиянской земле недель с тридцать. И проведая он в Талиянской земле, что Московского государства послы и посланники приходят к цесарю римскому, и он, Данилка, для того из Талиянской земли пришел в город Прагу, кто б его вывез на Московское государство».⁴

Перед нами две автобиографии. Они сугубо фактографичны и лишены эмоциональной окраски, хотя, несомненно, она присутствовала в устных рассказах полоняников, когда они сообщали о пережитом. Фактографичность и суховатость записанных рассказов полоняников — это влияние документа, в состав которого они попали. Дьяка, ведшего статейный список и расспрашивавшего бывших полоняников, интересовали только факты. Но даже и в таком виде рассказы освобожденных полоняников интересны как памятники, повествующие о незаурядных судьбах двух простых русских людей начала XVII в.

Интересны они и как исторические источники. В них содержались сведения о политической жизни в Восточной Европе — русско-литовских войнах и набегах крымцев на южнорусские земли, сопровождавшихся уводом населения в плен; об обстановке на Средиземном море, где шла почти никогда не затухавшая борьба между турецкими военно-морскими силами, с одной стороны, и военными кораблями Венеции, Королевства Обеих Сицилий (или Неаполитанского), зависимого от Испании, и самой

² Немецкие люди — это, очевидно, сборный термин, обозначавший лиц, принадлежавших к различным западноевропейским национальностям.

³ ПДСДР. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1261—1262.

⁴ Там же. Стб. 1337—1338.

Испании. В рассказах обоих полоняников (а они были, по-видимому, рабами-гребцами на одной и той же галере) в качестве главной силы, борющейся с турками, выступают «талианские люди», подчиненные «талианскому королю». В данном случае речь идет, очевидно, о вице-короле Обеих Сицилий, осуществлявшем всю полноту власти от имени испанского короля.

Посланники Лукьян Мясной и Федор Постников задавали Харламову вопросы об интересовавшей их обстановке в южной Европе: «Как ныне францовской король с своими думными людьми, и с ишпанским королем, нет ли меж ими розни и буде есть и в чем и какая рознь?». Заметим, что вопросы посланников обнаруживают их осведомленность как о делах внутри Франции, так и о франко-испанских отношениях (во Франции в это время — во втором десятилетии XVII в. — происходила борьба между Людовиком XIII и феодальной знатью; испанский король вмешивался во французские дела, стремясь дестабилизировать положение в стране и усилить влияние там «испанской партии», к которой принадлежала часть знати). У второго освобожденного из турецкой неволи полоняника Данилки Осипова, с которым русские посланники встретились в Праге, они спрашивали, «с кем ныне талианские люди войну держат и кто им на кого помогает».⁵

Харламов на заданные ему вопросы ответил так: «Испанский де король завладел у францовского короля городом Миляною, и за тот город стоит францовский король, а помогает ишпанскому королю цесарь, италианский король, и стоят на францовского короля за один. А Виницейские люди держат войну с дукограцкими людьми, а помогают виницейном турские люди; а папа стоит за дукограцких людей и бьются с виницейны о вере». Ответ Данилки был еще короче: «Талианские люди войну держат с виницейны, а помогают талианским людям ишпанской король и дуко ференской; а виницейном кто помогает и что промеж ими война, то он не ведает».⁶

Как видим, вопрос о положении дел во Франции Г. Харламов обошел молчанием: очевидно, никаких сведений, касающихся сложившейся там ситуации, у него не было. Но зато он осветил положение в Северной Италии, через которую прошел, направляясь в Германию. В Северной Италии скрещивались в это время интересы Габсбургского блока, с одной стороны, и Франции, с другой. Милан, как отметил Харламов, находился под властью испанского короля (эта ситуация сложилась после окончания итальянских войн в середине XVI в.). Твердые позиции в Северной Италии были важны для Габсбургов, так как через нее осуществлялись связи между владениями испанских Габсбургов на юге Италии и владениями австрийских Габсбургов в Центральной Европе. Харламов правильно подметил, что испанскому королю помогали цесарь (император), «италианский король» (то есть вице-король Обеих Сицилий) и папа (римский папа всегда был на стороне Габсбургского католического блока). Все эти силы, по словам Харламова, противостояли французскому королю, стремившемуся к распространению влияния Франции на Северную Италию.

Другая часть информации, данной Харламовым, касалась взаимоотношений Венеции и «дукоградских людей», — как надо полагать, поданных великого герцога Тосканского.⁷ По словам Харламова, между венецианцами и «дукоградскими людьми» имели место военные действия, в которых папа был на стороне «дукоградских людей»; неясные в приведенном контексте слова Харламова «и бьются с виницейны о вере» следует

⁵ Там же. Стб. 1262.

⁶ Там же. Стб. 1338.

⁷ Полагать, что «дукоградские люди» — это подданные великого герцога Тосканского, дает основание упоминание «дуки ференского» (т. е. герцога Флорентийского, а точнее, великого герцога Тосканского) в рассказе Данилки Осипова.

понимать как указание на имевший в то время место конфликт между венецианским духовенством и римским престолом.⁸ Того же сюжета — военных действий между Венецией, с одной стороны, великим герцогом Тосканским («дуко ференской») и подданными королевства Обеих Сицилий, с другой, — касались и сведения, сообщенные Данилкой Осиповым.

Рассказы и ответы обоих освобожденных из турецкой неволи и возвращавшихся на родину русских полоняников были внесены в статейный список посланников как материал, представлявший интерес для Посольского приказа. Для историков же литературы они любопытны как своеобразная разновидность автобиографий русских людей начала XVII в.

---

⁸ Из сообщения Харламова следует, что венецианцам помогали «турские люди»; очевидно, это был один из редких случаев, так как чаще Венеция и Турция находились в состоянии конфронтации.